

Бескрайняя пустыня тонула в золотых песках, плавясь под беспощадным полуденным солнцеворотом, соткавшим слепящее, дрожащее марево.

У Ваньши шёл по барханам уже очень давно. Из одежды на нём были лишь лёгкий плащ да шляпа.

Он двигался без всякой цели. Позади, теряясь в песчаных волнах, тянулась одинокая цепочка следов — безмолвное, упрямое свидетельство его долгого пути.

Со лба скатилась капля пота. Ваньши приподнял голову и слизнул выступившую на губе кровь — яркая багряная капля мгновенно окрасила сухую, мертвенно-бледную кожу.

Под полями шляпы его тусклый взор прищурился от режущего света. Сквозь зыбкую пелену жара на безжизненных песках ему привиделась диковинная картина: прямо посреди мёртвой пустыни распускался цветок. Лепестки его алели свежей кровью, а сам он сиял под солнцем чистым золотом.

Ноги сами понесли его вперёд, но он резко замер. Опустив взгляд, У Ваньши увидел, что сползает по затягивающей воронке зыбучих песков. Сухой плен уже поднялся до самых голеней.

«Надо же...»

Слегка приподнятая рука бессильно опустилась. Не выражающий никаких чувств взгляд скользнул книзу. Прекратив всякие попытки выбраться, он застыл в песчаной ловушке, безучастный ко всему.

Но не прошло и мгновения, как он вновь поднял лицо к ослепительному диску солнца. Жар опалял кожу, испаряя последние капли влаги. Бескрайние дюны уходили за горизонт — величественные, прекрасные и пустые. В его меркнущих глазах отражалось это великолепное безмолвие.

Умереть в пустыне было его последней волей.

Но за целый год он так и не сумел сделать к ней ни шагу. Казалось бы, чего проще — просто переступить порог родного дома. Но эта простая задача висела на нём многопудовыми оковами.

Что именно лишало его сил? Воздух, не дававший дышать, солнце, выжигавшее разум, или сама земля, державшая его мёртвой хваткой? Он не знал. Знал лишь то, что каждый шаг давался ему с мучительным трудом, словно само движение сулило немедленную смерть. Он рвался сюда, но не мог прийти, и эта неосуществимая мечта медленно сжигала его изнутри.

Лишь пару месяцев назад невидимые оковы вдруг пали. Накатила такая невероятная лёгкость, что истощённое тело казалось невесомым, готовым вот-вот взлететь. В тот миг им овладели растерянность и щемящая пустота. Боль, пустившая глубокие корни в его душу, исчезла без следа, оставив вместо себя лишь зияющую чёрную бездну.

Но теперь он наконец мог идти. И он пошёл.

До чего же красива эта пустыня.

Бесконечная дорога без границ и ориентиров. Безмолвие и простор. Мириады песчинок кружились на ветру, словно гаснущие звёзды в своём предсмертном танце.

Невероятное зрелище.

Резкий порыв сорвал шляпу, обнажив бледное, измождённое лицо. Он моргнул, устремив тусклый взгляд на цветок, гордо качающийся среди зыбучих песков. Пышный, неприступный и гордый. Это было самое прекрасное марево в его жизни.

Ваньи закрыл глаза и отдался течению зыбучего песка. Крупицы, забивавшиеся под одежду, казались сотнями цепких рук, утягивающих его на дно. Но в то же время его не покидало ощущение, будто он покачивается на ласковых волнах чистого озера или нежится в перистых облаках, готовый растаять в бескрайней вселенной.

Он перестал чувствовать собственную плоть. Скоро всё растворится в этой великой пустоте.

Ещё немного.

Ещё чуть-чуть, и наступит избавление.

Внезапно палящий свет над головой померк. Хрупкий сон разбился вдребезги. Распахнув глаза, он увидел силуэт человека, заслонившего солнце. Тот сидел перед ним на корточках, протягивая руку.

Сердце Ваньи пропустило удар, в груди мгновенно выгорел весь воздух. Лицо незнакомца тонуло в тени, удавалось разглядеть лишь точёный белый подбородок да влажные алые губы. Ваньи опустил взгляд на протянутую ладонь, и в его опустошённую душу хлынуло нечто неведомое, острое.

Эта ладонь была изящной, с тонкими длинными пальцами, похожими на резной белый нефрит. Ваньи судорожно вздохнул — старая, до боли знакомая мука вновь сковала его тело.

То было изнуряющее противоречие: непреодолимое желание умереть, сплетённое с яростным,

животным стремлением выжить. Уродливое, противоестественное чувство, способное свести с ума.

Незнакомец не двигался, молча созерцая его из тени. Это терпеливое, бережное ожидание, казалось, проникало сквозь каждую иссохшую пору У Ваньи.

Ваньи стиснул обветренные губы. Разум боролся с онемевшим телом в отчаянной схватке. Прошло немало времени, прежде чем он заставил свои непослушные пальцы дрогнуть. Окружавшие его пески тут же налились свинцовой тяжестью, превратившись в глухие кандалы. С трудом преодолевая сопротивление, преодолевая саму смерть, он поднял руку. Напряжённые вены вздулись на тыльной стороне ладони, а на губах вновь проступила кровь.

И он ухватился за эту руку.

Оцепенение сменилось дрожью. Песчаный плен мгновенно ослаб, и песчинки легко, ласково заскользили вниз, осыпаясь к его ногам.

— Зыбучие пески никого не убивают, — раздался тихий, мягкий голос, и неведомая сила легко вытянула Ваньи на твёрдую землю.

Ваньи запрокинул голову. Тяжёлые капли пота катились по подбородку. Сквозь мутную пелену он скользнул взглядом по алым губам незнакомца, очертаниям его переносицы и, наконец, утонул в сиянии золотых глаз.

[Динь! Система «Мужчина-мамочка» 7008 рада приветствовать вас и готова предоставить свои услуги]

Пронизывающий до костей холод заставил У Ваньи прийти в себя. Кое-как приподнявшись, он обнаружил, что лежит на асфальтированном шоссе у самого края пустыни. Совсем рядом темнел силуэт его автомобиля.

Он опустил взгляд на свои ладони. Ледяной ветер лизал кожу, не оставив и следа от того давешнего, спасительного тепла.

После пережитого потрясения инстинкт самосохранения вновь разжёл в его душе мучительный пожар. Он крепко сжал кулаки, чувствуя, как ногти до боли впиваются в кожу.

Чуть поодаль за ним пристально наблюдала лисица, насторожив острые уши. Стоило Ваньи повернуться в её сторону, как зверёк отвёл светящиеся во тьме глаза и в мгновение ока растворился в ночи.

Ваньки медленно поднялся. Далеко впереди пустыня сливалась с чернильным небом, а бесконечные дюны под куполом звёзд походили на грозные, уходящие ввысь хребты. Стиснув зубы, он молча зашагал обратно в пески.

Ледяной ветер полосовал лицо, стирая последние краски с его и без того мертвенно-бледного лица. Одетый в лёгкий плащ, Ваньки быстро терял чувствительность в ногах. В темноте невозможно было разобрать дорогу, но его шаг оставался непреклонен.

[Вы замёрзнете насмерть]

Ваньки замер. То ли его поразил этот внезапный голос в голове, то ли он пытался связать его с дневным наваждением. Но замешательство длилось лишь секунду. Ваньки равнодушно продолжил свой путь в холодное безмолвие.

Всё это больше не имело значения. По крайней мере, сейчас, когда он сознательно шёл навстречу гибели.

Тонкий, высокий силуэт упрямо двигался наперекор ледяному ветру. На потрескавшихся губах запеклась тёмная кровь, но во взгляде Ваньки царил абсолютный покой — покой человека, ступившего на тропу смерти. Под куполом усыпанного звёздами неба его фигура казалась крошечной песчинкой.

Издали его следы казались последними штрихами угасающей жизни, но вблизи было видно, как легко ветер заметал их, не оставляя и следа.

Постепенно тело окончательно онемело. Ваньки поднял глаза к высокой горе, уходящей в облака — эта крутая песчаная круча казалась Дорогой в небеса.

Сделав глубокий вдох, он упрямо полез вверх, не оборачиваясь.

То был неподъёмный, крутой подъём. Звёзды казались так близко — и в то же время оставались недостижимыми. С каждым шагом его движения становились всё медленнее, тяжелее.

Пар от дыхания застилал лицо. Тяжело хрипя, он прижал руку к животу, оступись и покачнулся, проваливаясь в собственные глубокие следы. Мертвенно-бледный, он уставился на теряющуюся в темноте вершину и вновь заставил окоченевшие ноги двигаться вперёд.

Спина, прежде прямая, согнулась от усталости. Ваньки качался из стороны в сторону, пока наконец не застыл на месте.

Прямо перед ним, преграждая путь, распустился цветок — вызывающе алый, гордый и безмолвный.

Ваньи хрипло выдохнул, опустил руки и выпрямился. Глядя на этот безумный всплеск красок сквозь мутную пелену, он горько, едва заметно усмехнулся.

Пошатнувшись, с потемневшим взглядом он сделал ещё шаг. Песок под ногами внезапно пополз вниз. Равновесие было потеряно, и Ваньи покатился по склону.

В угасающем сознании вершина, к которой он так стремился, стремительно удалялась. А холодное звёздное небо взирало на него всё с тем же равнодушием.

«Ну и пусть. Умереть здесь — не худший исход. Сухой песок станет мне отличным саваном»

Ваньи разжал кулаки и закрыл глаза, готовый разбиться внизу, но чьи-то пальцы мёртвой хваткой вцепились в его предплечье.

Распахнув глаза, он увидел склонённую над ним фигуру с растрёпанными ветром длинными волосами. Лица было не разглядеть, но во тьме ярко горели золотые глаза.

Ваньи приоткрыл рот, но из перехваченного горла не вылетело ни звука. Он отчаянно хотел разжать пальцы, но тело вновь отказалось подчиняться разуму. Он судорожно вцепился в чужую руку, словно утопающий в спасительную соломинку.

Чёртов инстинкт!

Мучительное противоборство жизни и смерти вновь разорвало его душу на части.

— Отпусти... — с трудом выдавил он сквозь зубы.

Незнакомец не ответил. Лишь молча смотрел на него сверху вниз.

Сглотнув вязкую слюну, Ваньи прохрипел:

— Кому говорю, отпусти!

Он зажмурился, его пальцы побелели от напряжения. Из груди вырвался надрывный, похожий на мольбу хрип:

— Пожалуйста... отпусти меня.

В морозном воздухе хватка на его руке лишь окрепла. Падающее в бездну тело рывком потянули вверх.

Ваньи открыл глаза, пытаясь рассмотреть лицо спасителя, оказавшееся совсем близко. Первым, что бросилось в глаза, был алый бутон, расцветший у незнакомца на шее, затем — белая, как снег, кожа и яркая, манящая родинка у самого края века. Словно Прекрасный дух явился перед ним во плоти.

И в этот же миг золотые глаза в упор уставились на него.

Их взгляды скрестились. Ваньи мгновенно утонул в этом золотом сиянии, безвозвратно погружаясь в сияющую, зыбкую глубину чужих глаз, похожих на драгоценный янтарь. Перед ним снова встали образы величественного золотого марева.

Тело вдруг стало невесомым, словно его вновь засыпало горячим песком под палящим солнцем.

И где-то там, в бескрайних дюнах, на него тихо смотрел одинокий красный цветок.

Судорожно вдохнув воздух, У Ваньи резко сел. Он схватился рукой за сердце, а затем согнулся пополам, прижав ладонь к животу.

Ошалело оглядевшись по сторонам, он бессильно откинулся на спинку сиденья.

Он снова вернулся. На этот раз — прямо в салон своего автомобиля.

Сквозь лобовое стекло пробивались первые лучи. Ваньи уставился вперёд. Там, в оранжево-жёлтом мареве, медленно поднималось белое солнце — величественное и яркое, словно нарисованное рукой великого мастера.

В тусклых глазах Ваньи отразился этот первый утренний свет.

Солнце поднималось всё выше, безжалостно выжигая ночной холод. Накатывающий зной принялся яростно плавить всё вокруг.

Ваньи долго сидел неподвижно. Лишь когда стекло автомобиля раскалилось так, что к нему невозможно было прикоснуться, он медленно открыл дверцу и вышел наружу.

Ноги слегка подкосились. Сжав кулаки так, что побелели костяшки, Ваньи согнулся от резкой боли в животе. Прошло несколько минут, прежде чем он заставил себя выпрямиться. Опустив руки, он медленно зашагал к песчаным барханам.

Система 7008 сидела на корточках на песке, с тоской и глухим раздражением наблюдая за упрямым человеком.

Пустыня лежала перед ними безбрежным морем, лишённым дорог и ориентиров.

Ваньи уходил всё дальше, пока его тонкий силуэт не растворился в зыбучем золоте дюн.

Но не прошло и пары минут, как он вновь появился на горизонте, возвращаясь назад.

Глаза 7008 вспыхнули. Он мгновенно вскочил на ноги.

Ваньи застыл на месте, глядя на припаркованную на обочине машину. На его лице отразилось глухое замешательство. На мгновение воцарилась тишина.

Затем он глубоко вздохнул, резко развернулся и упрямо пошагал обратно в пустыню.

У 7008 поникли плечи, и он обречённо уселся обратно на песок.

Не прошло и трёх минут, как обессиленный Ваньи вновь побрёл назад.

7008 лишь захлопал глазами, сердито сжав крошечные кулачки.

Ваньи остановился. Он перевёл взгляд с машины на бескрайние пески за своей спиной. Ветер уже успел замести его следы, оставив лишь цепочку, ведущую прочь из пустыни. Назад дороги не было.

Казалось, само пространство безмолвно велело ему: «Возвращайся».

Ваньи стоял посреди этого великолепия и вдруг хрипло рассмеялся.

Сухие губы треснули, на них выступили свежие капли крови.

Смех душил его, заставляя зажмуриться и согнуться пополам. Он упал на одно колено, уперевшись ладонью в раскалённый песок и крепко зажав ноющий живот.

Одинокий, безумный смех разносился над безжизненными барханами. Сгорбленная фигура человека выглядела жалкой и потерянной под куполом равнодушного неба.

Спустя вечность Ваньи поднялся, начисто лишившись каких-либо эмоций. Он сел в машину, завёл мотор и уехал прочь от этой прекрасной и жестокой пустыни.

Слепящее солнце дробилось в песчаной пыли радужными бликами, провожая его золотым, пристальным взглядом.

Позади осталась мёртвая тишина пустыни. Город встретил его кричащим неоном, суетой и нескончаемым шумом.

В полумраке ночного бара бурлил поток фальшивого веселья: гремела музыка, в воздухе витали флюиды дешёвого соблазна и хмельного азарта.

У Ваньи сидел один у барной стойки. Его бледное, измождённое лицо казалось чужеродным в этом празднике жизни, а безумные вспышки светомузыки лишь подчёркивали мёртвую тоску в его глазах, устремлённых в пустоту.

Для окружающих эта тоска была неразгаданной тайной, манящей своей недоступностью, а его болезненный вид притягивал взоры, словно дрожащее пламя свечи в ночи — стоит подуть ветру, и тень на стене исказится в причудливой гримасе.

В этой душной, бурлящей толпе его ледяное одиночество обладало особым, магнетическим шармом.

— Ну, я пошла, — бросила одна из девиц в ярком макияже, кокетливо поправила причёску и двинулась в сторону стойки.

В это время бармен, аккуратно уложив волосы, поставил перед Ваньи бокал с ярким коктейлем и дружески улыбнулся:

— А ты говорил, что уезжаешь навсегда и больше не вернёшься.

Ваньи провёл пальцем по кромке бокала и тихо ответил:

— И не должен был возвращаться.

[Тебе нельзя пить]

Ваньи поднял бокал и осушил его одним глотком.

7008: [...]

— Ну и отлично, что передумал, — с облегчением выдохнул бармен. — Если бы я перестал

видеть тебя здесь по субботам, мне бы жутко не хватало наших посиделок.

Ваньи поставил пустой бокал:

— Почему?

— Да потому что мы друзья, — тепло усмехнулся тот. — Ты приходишь сюда каждую субботу вот уже почти год. И не вздумай говорить, что я тебе никто! Иначе за этот коктейль придётся платить.

Бармен кивнул на пустую посуду, намекая, что долги надо отдавать. Ваньи опустил глаза на стекло, затем перевёл взгляд на парня:

— Хорошо. Мы друзья.

Тот довольно улыбнулся, а затем, оперевшись о стойку, внимательно вгляделся в его лицо:

— Ты никак ещё сильнее похудел?

Ваньи едва заметно прикрыл глаза:

— Разве?

— Хватит себя гробить. Нынешняя молодёжь совсем не бережёт здоровье. Сходил бы ты к врачу, проверился...

Бармен отошёл к другому клиенту, и его голос утонул в общем гуле.

Ваньи лениво крутил бокал, наблюдая, как на дне играют блики разноцветных ламп.

На самом деле он терпеть не мог подобные места. Гвалт и полумрак вызывали у него лишь глухое раздражение.

Но парадокс заключался в том, что только здесь, среди чужих людей, он чувствовал себя живым. Тишина пугала его, грозя утянуть на дно, словно ледяная вода, а этот шум создавал иллюзию присутствия.

— Привет. Свободно?

Чья-то ладонь мягко опустилась на его плечо. Ваньи замер, медленно повернув голову к

стоявшей рядом женщине.

Встретившись с его мёртвым, ледяным взглядом, та на секунду растерялась, но быстро вернула лицу кокетливое выражение и присела на соседний стул:

— Угостишь даму?

Ваньки отставил бокал и поднялся:

— Я не пью.

Он направился к выходу. Женщина вскочила, явно не ожидав такого холодного отпора.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как дорогу ему преградил рослый, свирепого вида мужчина.

Ваньки скользнул по нему равнодушным взглядом и попытался обойти, проигнорировав летевшие в спину проклятия. Вдруг позади раздался резкий, хлесткий звук пощёчины.

Ваньки замер.

— За что ты меня ударил?!

— За то, что крутишь хвостом перед каждым встречным!

— Мы расстались, ясно тебе?! Что хочу, то и делаю!

— Я согласия на развод не давал, так что живо домой!

— Отпусти меня!

— Пошли, кому сказал! Ещё раз увижу тебя с каким-нибудь ублюдком — ноги переломлю. А его на ремни порежу и псам скормлю!

— Пусти, урод! Пусти...

Раздался очередной глухой удар.

— Заткнись и не беси меня, пока я тебе при всех лицо не начистил!

Мужчина грубо поволок женщину к выходу. Проходя мимо Ваньи, он смерил его бешеным взглядом.

Ваньи ответил ему тем же — ледяным, немигающим взглядом, в котором не было ни капли страха.

— Чё уставился? Глаза лопнут! — рявкнул верзила.

Ваньи лишь презрительно изогнул уголок рта.

Эта немая насмешка взбесила мужчину окончательно. Выпустив руку женщины, он двинулся прямо на него.

— Чё, самый смелый? Ну давай, дёрнись, сука!

Верзила навис над ним, выставив грудь колесом, и принялся грубо тыкать пальцем Ваньи в грудь, красуясь своими размерами.

Ваньи не произнёс ни слова. Он просто перехватил стоявший на стойке тяжёлый бокал и с размаху обрушил его на голову обидчика.

Зеваки вокруг зашумели. Никто не ожидал, что этот хрупкий на вид парень нападёт первым.

Мужчина опешил, по его лицу потекла кровь. Глаза налились яростью, вены на шее вздулись.

Но опомниться ему не дали. Ваньи схватил тяжёлый деревянный стул и с треском опустил его на верзилу.

Тот попытался закрыться рукой. Раздался сухой хруст — стул разлетелся в щепки, а вместе с ним сломалась и кость.

Бар огласился диким, истошным воплем.

А в глазах У Ваньи зияла всё та же непроглядная, жуткая тьма.

«Как же вы все орёте. Как же вы задолбали. Откуда на земле столько мусора?»

Он хладнокровно подобрал обломок ножки и принялся методично вколачивать его в лежащего на полу человека.

На его лице не отразилось ни единой эмоции.

Эта ледяная, расчётливая жестокость пугала сильнее любого безумия.

Когда мужчина перестал кричать и лишь слабо скулил, захлёбываясь кровью, Ваньки наконец остановился. Он тяжело выдохнул, отбросил окровавленное дерево и тихо бросил:

— Мусор.

В заведении повисла гробовая тишина.

Пробившись сквозь оцепенелую толпу, бармен застыл на месте, издав тихий, испуганный выдох.

И тут из глубин зала донеселось:

— Полиция! Всем оставаться на своих местах!

— Кто начал драку?

— Я.

Следователь замер, переводя взгляд с бледного, хрупкого Ваньки на массивного верзилу, который сидел напротив и жалобно скулил, баюкая сломанную руку.

— Причина конфликта?

Ваньки опустил глаза. Физическая усталость мешала сосредоточиться, мысли путались.

Он ответил тихо, абсолютно равнодушно:

— Надоел.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Десятки глаз уставились на него с недоумением.

А Ваньки сидел неподвижно, олицетворяя собой высшую степень безразличия.

Под этой маской покоя его сердце бешено колотилось от недавнего напряжения, а пальцы мелко дрожали — запоздалая реакция организма на вспышку ярости.

Но разум оставался чист и холоден.

Он безучастно взирал на происходящее, и свет дешёвых ламп над головой казался ему тусклым, выцветшим.

— «Надоел» — это не оправдание для мордобоя...

— Я его засужу! Эта тварь сгниёт в тюрьме! — взвыл пострадавший.

— Вообще-то, этот господин заступился за меня, — вмешалась пострадавшая женщина.

— Нас не интересует ваше мнение, — отмахнулся полицейский. — Закон есть закон. За нанесение тяжких телесных придётся отвечать.

— Вот именно! Пусть платит за лечение! И за моральный ущерб!

— Да как тебе не стыдно, ублюдок?! Хочешь судиться? Отлично! Я тоже подам заявление! За преследование, за побои, за угрозы расправой! Давай, устроим шоу, пусть все узнают, какое ты ничтожество!

— Рот закрой, сука!

— Тихо! Забыли, где находитесь?!

— Ну вот, господин офицер, вы сами видите! Он невменяемый! Прямо здесь на меня кидается! Представьте, что он со мной дома вытворяет!

Для Ваньки эти крики слились в один сплошной, невыносимый гул.

Угрозы, брань, взаимные упрёки — всё это проходило мимо его сознания.

До тех пор, пока верзила не перегнулся через стол и не вцепился ему в куртку.

— Это всё из-за тебя, смазливый мразь! Выйду отсюда — лично шкуру с тебя спущу. И с твоей семейки тоже...

— Они мертвы.

Мужчина осёкся, уставившись на него дикими глазами.

Ваньки посмотрел ему прямо в душу и повторил:

— Все до единого. Давно в земле лежат.

Воздух в комнате словно превратился в лёд.

Полицейские быстро скрутили верзилу и уложили лицом в пол, оглашая кабинет новыми приказами, но У Ваньки уже не слушал. Он спокойно выпрямился и брезгливо отряхнул лацканы своего плаща от чужой пыли.

<http://bllate.org/book/20309/2167344>